

ДИАНА ФУРСОВА

РАЗВОД
С АЛЬФОЙ

Я ВОЗГЛАВЛЯЮ СТАЮ,
КОТОРУЮ ТЫ БРОСИЛ

Диана Фурсова

Развод с альфой. Я возглавляю стаю, которую ты бросил

<https://litres.ru/74308939>

Аннотация

В тот вечер, когда я спасла его стаю от голодной зимы, муж объявил о разводе перед тремя сотнями оборотней.

В качестве отступного Соррен отдал мне бесполезную долину: разрушенный мост, сорок три изгнанника и семь древних башен, которые каждую полную луну меняют дороги. У меня всего тридцать дней, чтобы вернуть торговый путь. Иначе бывший муж заберёт всё, что я успею восстановить.

Только брошенная стая не желает новой хозяйки. Семь родов годами враждуют друг с другом. Башни не подчиняются приказам. А единственный волк, способный пробудить их, однажды едва не уничтожил долину своим Грозовым голосом.

Чтобы победить, мне придётся сделать то, чего не смог ни один альфа: не заставить людей повиноваться, а научить их слышать друг друга.

Соррен уверен, что я вернусь и попрошу о защите. Он ошибается.

В этот раз я не стану спасать чужую стаю в тени мужа. Я построю собственный дом, открою дорогу, которую он намеренно

разрушал, и сама выберу мужчину, способного встать рядом со мной, а не впереди.

Содержание

Глава 1. Развод перед полной стаей	5
Глава 2. Долина, где не ждут альфу	27
Глава 3. Семь башен уходят ночью	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1. Развод перед полной стаей

Муж решил развестись со мной в тот самый вечер, когда я спасла его стаю от голодной зимы.

Разумеется, об этом он не упомянул.

Соррен сидел на возвышении под серебряным знаменем своего рода и принимал поздравления, пока слуги разносили по залу горячее мясо, свежий хлеб и густой ягодный напиток. Ещё утром в северные ворота вошли последние восемнадцать повозок с зерном, которые я почти месяц собирала по трём соседним владениям. Если бы караван задержался хотя бы на несколько дней, запасы Серебряной стаи закончились бы до первого весеннего тепла.

Но на торжественном собрании говорили не о караване.

Говорили о предусмотрительности альфы Соррена Вейга, сумевшего обеспечить своих людей всем необходимым.

Я стояла справа от его кресла, как и полагалось законной жене, и смотрела на длинные столы, за которыми разместились почти три сотни оборотней. Здесь были старейшины, главы семей, стражи, мастера и владельцы окрестных земель. Многие из них знали, кому в действительности принадлежал план зимних поставок. Некоторые даже встречались со мной по ночам в счётной комнате, когда мы сверяли долговые записи и решали, какие товары можно обменять без ущерба для весенних работ.

Однако никто не произнёс моего имени.

За восемь лет брака я научилась не ждать благодарности от людей, которым было удобнее считать меня украшением при сильном мужчине. Мне оставалось лишь надеяться, что полные кладовые помогут им пережить зиму. Обычно этого было достаточно.

В тот вечер оказалось, что недостаточно.

Соррен поднялся, и разговоры за столами стихли прежде, чем он успел коснуться пальцами серебряной чаши. Его альфийский голос не был громким. Ему не требовалось повышать тон, чтобы каждый в зале выпрямил спину и повернул голову в его сторону.

— Сегодня Серебряная стая вступает в новый период своей истории, — произнёс он. — Время требует от нас решений, которые будут служить не отдельным людям, а будущему всего рода.

Несколько старейшин одобрительно закивали. Я заметила, как сидевшая у левого края возвышения Вельдра Касс положила ладонь на резную рукоять своего кресла. Глава Лунного совета приехала три дня назад якобы для обсуждения пограничных пошлин, но к записям о торговых сборах так и не притронулась.

Теперь я поняла почему.

Перед Сорреном лежала папка из серой кожи. Утром её не было.

Он раскрыл её неторопливо, позволяя собравшимся раз-

глядеть красную печать Лунного совета, а затем впервые за весь вечер посмотрел на меня.

В его глазах не было ни сожаления, ни торжества. Только спокойная уверенность человека, который заранее предусмотрел каждое возражение.

— Мой брак с Элварис признан исчерпавшим своё предназначение, — сказал он. — С этого дня союз между домами Вейг и Нейр расторгнут.

Гул голосов поднялся под сводами, но сразу же угас, когда Соррен слегка повернул голову.

Я не шевельнулась.

Не потому, что ждала чего-то подобного. Ещё утром мы обсуждали ремонт южной мельницы, и Соррен поручил мне найти плотников до конца недели. Вчера он попросил проверить расчёты по весенней ярмарке. Три дня назад сообщил, что не сможет присутствовать на совете управляющих, потому что отправляется осматривать дальние заставы.

Теперь стало ясно: заставы были лишь предлогом. Вероятно, он ездил согласовывать условия нового союза.

И всё же я не шевельнулась.

Триста пар глаз следили за тем, как жена альфы принимает своё публичное унижение. Кто-то ждал слёз, кто-то — крика, а самые доброжелательные, вероятно, надеялись, что я тихо потеряю сознание и избавлю всех от неловкой сцены.

Я медленно сняла руку со спинки своего кресла.

— Исчерпавшим предназначение? — переспросила я. —

У нашего брака, оказывается, было назначение?

Соррен едва заметно нахмурился. Он рассчитывал на другую реакцию и не любил, когда события отклонялись от подготовленного порядка.

— Не усложняй, Элварис.

— Я пытаюсь понять формулировку. Восемь лет назад ты говорил, что выбираешь жену, а не временного управляющего. Возможно, я неверно тебя расслышала.

За ближайшими столами кто-то опустил глаза. Несколько человек старательно занялись едой, хотя слуги ещё не успели разложить мясо по тарелкам.

Соррен выдержал паузу.

— За восемь лет в тебе так и не пробудился альфийский дар. Ты не способна вести стаю, защищать её волю и обеспечить продолжение сильной линии. Я не могу позволить личной привязанности мешать долгу.

Личная привязанность.

Он произнёс эти слова так, словно делал мне последнюю уступку.

Я посмотрела на мужчину, которого когда-то считала своим домом, и впервые увидела не мужа, а тщательно выстроенное решение. Даже место для объявления он выбрал безупречно. Полная стая, представители Совета, главы семей и красная печать на документах. Любое моё возражение можно было представить женской истерикой, любое требование — попыткой поставить личные интересы выше общего бла-

га.

— Кто она? — спросила я.

По залу прошёл новый шёпот.

Соррен не ответил сразу, но Вельдра Касс позволила себе лёгкую улыбку. Она была высокой женщиной с тёмными волосами, собранными в тугой узел, и смотрела на окружающих так, будто каждому заранее назначила цену.

— Леди Астрея Морвен, — наконец сообщил Соррен. — Её род контролирует западные перевалы. Наш союз укрепит положение Серебряной стаи и откроет новые торговые возможности.

Я едва не рассмеялась.

Западные перевалы уже четыре года приносили убытки из-за каменных обвалов и постоянных споров между двумя пограничными родами. Зато отец Астреи имел три сотни воинов и место в Лунном совете. Соррену требовалась не жена, способная наладить торговлю. Ему требовалось войско, которое можно было поставить за своей спиной.

— Поздравляю, — сказала я. — Надеюсь, леди Морвен любит разбираться в долгах. К началу весны у западных родов их станет значительно больше.

Вельдра перестала улыбаться.

Соррен сжал край папки.

— Тебе не следует беспокоиться о делах, которые больше тебя не касаются.

— До сегодняшнего вечера они касались меня настолько,

что я нашла зерно для всей твоей стаи.

На этот раз тишина не была послушной. Она стала тяжёлой и неровной. Люди за столами переглядывались, и даже альфийскому голосу требовалось усилие, чтобы удержать их внимание.

Соррен сделал то, что всегда делал, когда не мог опровергнуть мои слова: перевёл разговор на мою неблагодарность.

— Я не собираюсь оставлять тебя без защиты и средств. Несмотря на прекращение брака, ты получишь собственное владение и право распоряжаться им без согласия Серебряной стаи.

Он вынул из папки сложенный лист.

Вот теперь я насторожилась.

Соррен не отдавал ничего, что могло принести пользу ему самому. За восемь лет я не видела, чтобы он добровольно расстался хотя бы с клочком земли, не получив взамен вдвое больше.

Слуга поднялся на возвышение и передал мне документ.

Я развернула его, узнала печать Совета и пробежала взглядом первые строки. Название владения стояло в середине страницы, выведенное крупными чёрными буквами.

Предел Семи Башен.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что это не жестокая шутка.

— Ты отдаёшь мне северную долину? — спросила я.

— Она находится за северо-восточной границей, — по-

правил Соррен с таким видом, будто расстояние что-то меняло.

— За разрушенным перевалом, где каждую полную луну исчезают дороги.

— Дороги не исчезают. Они меняют направление из-за движения древних башен.

— Разница, несомненно, утешит людей, которые не смогут выбраться из долины.

По залу прокатилось несколько приглушённых смешков. Соррен метнул взгляд в сторону столов, и веселье немедленно прекратилось.

Я продолжила читать.

Предел Семи Башен занимал обширную долину между двумя горными хребтами. Когда-то через неё проходила торговая дорога, связывавшая северные земли с восточными портами. Затем каменные башни начали перемещаться, мосты разрушились, а караваны выбрали более длинный, но безопасный путь.

Несколько лет назад Соррен присоединил долину к своим владениям. Он обещал восстановить дорогу и переселил туда людей из семи малых родов. После первой неудачной попытки подчинить башни поставки прекратились, стража ушла, а само владение исчезло из официальных отчётов.

Внизу документа значилось число жителей.

Сорок три.

Не семьи и не работники. Ответственные лица Совета

предусмотрительно назвали их изгнанными оборотнями, не состоящими под защитой признанного альфы.

Вместе с долиной Соррен передавал мне не только землю, но и обязательства перед людьми, которых сам бросил.

— Щедрый подарок, — произнесла я. — Особенно если учесть, что Предел не приносит дохода, не имеет действующей дороги и уже несколько лет считается непригодным для проживания.

— У тебя всегда были способности к хозяйственным делам, — ответил Соррен. — Теперь ты сможешь применить их самостоятельно.

Его спокойствие окончательно объяснило замысел.

Он хотел не просто избавиться от меня. Ему было нужно, чтобы я отказалась при всей стае.

Если я отвергну Предел, он объявит меня женщиной, которая требует богатства, но не желает трудиться. Если соглашусь, то окажусь в отрезанной от мира долине среди сорока трёх оборотней, имевших все причины ненавидеть род Вейг.

В любом случае леди Астрейя получит место рядом с альфой без опасного сравнения с прежней женой.

— От Элварис требуется лишь поставить подпись, — вмешалась Вельдра Касс. — Разумеется, она может отказаться. Тогда Совет назначит ей содержание, соответствующее положению разведённой супруги.

Она говорила мягко, но я достаточно долго присутствовала на переговорах, чтобы услышать скрытый смысл.

Содержание означало зависимость. Мне предоставили бы несколько комнат в доме одного из дальних родственников Соррена, небольшую сумму на одежду и обязанность спрашивать разрешения перед каждой поездкой. Я прожила бы остаток жизни как неудобное напоминание о первом браке альфы.

Именно этого он от меня ожидал.

Соррен смотрел на меня с привычным терпением. Наверное, мысленно он уже видел, как я опускаюсь перед ним на колени и прошу оставить хотя бы прежние комнаты. Он всегда считал, что моё молчание означает покорность.

В действительности я молчала потому, что привыкла сначала считать.

Я снова посмотрела на документ.

Владение передавалось полностью. Земля, старые сооружения, право устанавливать внутренние сборы, заключать торговые соглашения и назначать управляющих. Серебряная стая отказывалась от доходов Предела и не несла ответственности за его жителей.

Подвох скрывался в последнем разделе.

Если в течение тридцати дней новый владелец не подтверждал способность обеспечить сообщение с внешними землями, Совет мог признать управление несостоятельным и вернуть Предел прежнему альфе.

Соррен хотел, чтобы я попыталась.

Он знал, что я не брошу людей, чьи имена увидела в офи-

циальном документе. Позволит мне вложить силы в разрушенную долину, дождётся окончания срока, а затем заберёт всё, что удастся восстановить.

Я подняла глаза.

— Почему ты не сообщил о тридцатидневном условии?

— Оно указано в документе.

— На четвёртой странице, после описания моих обязанностей.

— Я никогда не запрещал тебе читать бумаги перед подписью.

Это было почти смешно. Восемь лет он раздражался, когда я задерживала подписание договоров ради проверки каждой строки. Сегодня моя привычка неожиданно стала доказательством его честности.

— Ты уверен, что хочешь передать мне Предел на этих условиях? — спросила я.

Взгляд Соррена смягчился. Он решил, что я готова сдать-ся.

— Откажись, Элварис. Тебе не нужно ничего доказывать. Я позабочусь, чтобы ты жила спокойно и ни в чём не нуждалась.

Когда-то такие слова могли показаться заботой.

Теперь я слышала в них приговор.

Спокойная жизнь означала, что мне позволят дышать, пока я не мешаю новому браку, не напоминаю стае о своих заслугах и не принимаю решений без разрешения бывшего му-

жа.

Я протянула руку к столу.

— Перо.

Слуга растерянно посмотрел на Соррена. Тот едва заметно кивнул, и мне подали серебряное перо, которым обычно подписывали только решения Совета.

Я обмакнула его в чернила.

— Элварис, — тихо произнёс Соррен, и впервые за весь вечер в его голосе прозвучало сомнение. — Подумай. Когда ты окажешься там, изменить решение будет нельзя.

— Ты прав. Поэтому лучше не ошибиться с именем.

Я зачеркнула подготовленную писцом строку «Элварис Вейг».

В зале снова зашептались.

Под ней я медленно и разборчиво написала: «Элварис Нейр».

Фамилия моего рода выглядела непривычно. Я не пользовалась ею восемь лет, но рука не дрогнула. Каждая буква возвращала то, от чего я когда-то отказалась ради брака.

Свобода редко приходит в красивой упаковке. Иногда её вручают перед полной стаей вместе с разрушенной долиной, чужими обязательствами и надеждой увидеть тебя побеждённой.

Я поставила подпись на последней странице и вернула документ Вельдре.

— Предел Семи Башен принят мной на указанных усло-

виях.

Соррен медленно поднялся.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Возможно. Но теперь это моя ошибка.

— Через месяц Совет вернёт землю Серебряной стае.

— Тогда тебе придётся подождать месяц.

Его пальцы сжались на подлокотнике кресла.

Я знала этот жест. Соррен делал так всякий раз, когда хотел применить альфийский голос, но понимал, что открытое давление будет выглядеть слабостью.

— В долине живут оборотни, изгнанные из семи родов, — напомнил он. — Они не признают власть, нарушают установленные порядки и уже однажды выступили против назначенного командира. Ты не удержишь их.

— Я и не собираюсь их удерживать.

— Они прогонят тебя прежде, чем ты успеешь назвать своё имя.

— Тогда ты получишь прекрасную историю для следующего торжественного собрания.

Я повернулась к длинным столам. Теперь никто не отводил взгляд. В лицах собравшихся читались любопытство, недоверие, тревога и даже тщательно скрываемое удовлетворение.

Многие из них никогда не любили меня. Но почти все любили зрелища, особенно если они грозили неприятностями альфе.

Я снова посмотрела на Соррена.

Он хотел, чтобы моё последнее появление при дворе запомнилось просьбой о милости. Вместо этого я решила оставить ему обещание.

— Через год ты будешь просить разрешения пересечь мою границу.

Тишина продержалась всего мгновение.

Затем кто-то за дальним столом уронил чашу.

Соррен побледнел не от гнева, а от осознания, что я произнесла эти слова при свидетелях. Теперь он не мог представить мой отъезд добровольным исчезновением. Вся стая знала, куда я отправилась и что собиралась сделать.

Я не стала ждать ответа.

До северо-восточной границы было почти два дня пути, а до Предела — ещё несколько часов по старой дороге. Тридцатидневный срок начинался с момента подписания документа. Соррен уже отнял у меня большую часть первого дня, устроив представление на вечернем собрании.

Оставшееся время принадлежало мне.

Я спустилась с возвышения, прошла между столами и направилась к выходу. За спиной никто не посмел заговорить, пока тяжёлые двери не закрылись.

Только тогда я позволила себе остановиться.

В коридоре было прохладно. Сквозь высокие окна падал бледный лунный свет, и серебряные узоры на стенах казались полосами инея. Я прижала ладонь к каменному под-

оконнику, считая вдохи, пока шум в ушах не утих.

Восемь лет закончились за несколько минут.

Мне следовало почувствовать горе. Возможно, оно придёт позже, когда рядом не будет слуг, стражей и любопытных свидетелей. Пока внутри оставалась лишь звенящая пустота, в которой уже складывались первые расчёты.

Дорога. Люди. Запасы. Жильё. Тридцать дней.

— Госпожа?

Я обернулась.

У стены стоял пожилой распорядитель Лерран, много лет заведовавший дворовыми кладовыми. Он держал мой дорожный плащ и небольшой кожаный кошель.

— Вы распорядились подготовить повозку? — спросил он.

— Я ещё ничего не успела распорядиться.

— Значит, я проявил недопустимую самостоятельность.

В его голосе не было ни тени раскаяния.

Лерран служил дому Вейг задолго до моего появления и никогда открыто не вставал на мою сторону. Зато каждую зиму оставлял на моём столе точные списки запасов, хотя Соррен требовал передавать хозяйственные отчёты только ему.

Я приняла плащ.

— Что в кошеле?

— Деньги, принадлежавшие вам до брака. Я сохранил копии старых записей и смог отделить их от общих средств.

Сумма оказалась небольшой, но её хватило бы на несколько недель скромной жизни. Или на первые закупки для срока трёх человек, если выбирать особенно тщательно.

— Соррен не одобрит.

— Альфа сегодня сообщил, что вы больше не относитесь к его дому. Следовательно, его мнение о ваших личных средствах не имеет значения.

Я впервые за вечер улыбнулась.

— Благодарю, Лерран.

— Не благодарите прежде времени. Повозка старая, лошади упрямые, а возница отказывается ехать дальше северной заставы.

— Почему?

— Потому что он разумный человек.

Это прозвучало настолько серьёзно, что я всё же рассмеялась. Смех получился тихим и немного неровным, но после него стало легче дышать.

Через четверть часа я покинула дом, в котором прожила восемь лет.

Никто не вышел меня проводить.

Я взяла только документы, несколько платьев, тёплый плащ, рабочие записи и небольшой сундук с личными вещами. Всё остальное принадлежало дому Вейг, включая украшения, которые Соррен дарил мне на годовщины брака. Я не стала спорить из-за золота, выбранного чужими руками.

Повозка двинулась на север ещё до окончания торже-

ственного ужина.

Первые часы дороги прошли в темноте. Возница по имени Орвен оказался молчаливым мужчиной с привычкой недовольно сопеть при каждом ухабе. Я сидела рядом с ним, придерживая на коленях папку с документами, и пыталась восстановить всё, что знала о Пределе.

Сведений было немного.

Семь башен существовали задолго до появления нынешних стай. Они стояли вдоль старой дороги и когда-то служили ориентирами для караванов. Затем начали перемещаться во время полной луны, перекрывая ущелья и меняя русла мелких рек. Несколько правителей пытались подчинить их силой, но ни один не добился успеха.

Пять лет назад Соррен объявил, что раскрыл тайну башен. Он переселил в долину представителей семи малых родов и назначил командира для управления работами. Через несколько месяцев на старой дороге произошло разрушение. Командир исчез, торговый путь окончательно закрылся, а жителей Предела объявили виновными в неповиновении.

Я присутствовала на совете, где обсуждалась судьба долины.

Соррен тогда сказал, что люди добровольно отказались от защиты Серебряной стаи.

Я поверила ему.

Теперь это воспоминание жгло сильнее самого развода.

На рассвете мы остановились у придорожного двора.

Орвен накормил лошадей, а я купила хлеб, копчёное мясо, сушёные яблоки и два мешка крупы. Торговец удивился объёму покупки, но не стал задавать вопросов, пока я не попросила добавить верёвки, плотную ткань и несколько простых инструментов.

— В Предел едете? — догадался он.

— Почему вы так решили?

— В других местах это всё можно купить на месте.

Я заплатила, не вступая в спор.

К вечеру второго дня дорога заметно ухудшилась. Колёса то и дело попадали в глубокие промоины, а у северной заставы Орвен остановил повозку и заявил, что дальше не поедет ни за какие деньги.

— До долины ещё несколько часов, — сказала я.

— Несколько часов по дороге, которой нет.

— На карте она обозначена.

Он посмотрел на меня с искренним сочувствием.

— На старых картах много чего обозначено.

Пришлось перегрузить вещи на двух лошадей и продолжить путь верхом. Орвен согласился проводить меня до развилки, после чего торопливо вернулся к заставе, словно боялся, что каменные башни заметят его присутствие.

Последний отрезок дороги я преодолела одна.

К вечеру горы сомкнулись вокруг узкой тропы. Снег здесь почти растаял, но земля оставалась тяжёлой и влажной. В нескольких местах мне пришлось спешиваться и вести ло-

шадь под уздцы, обходя провалившиеся участки.

Сумерки уже опускались на долину, когда я увидела разрушенный мост.

Он пересекал широкую каменистую ложбину, по которой весной, вероятно, шёл бурный поток. Центральная часть моста обрушилась, оставив между уцелевшими опорами разрыв шириной в несколько шагов. Пройти пешком ещё было возможно по двум положенным поверх брёвнам, но провести лошадей с грузом не получилось бы.

На другой стороне стояли люди.

Сорок три человека, если в документах не было ошибки.

Мужчины и женщины разных возрастов собрались у моста плотной молчаливой группой. Их одежда была аккуратно заштопана, лица казались усталыми, но никто не выглядел сломленным. Я увидела среди них кузнеца с тяжёлыми руками, высокую женщину с мотком верёвки на плече, пожилого мужчину в кожаном фартуке и нескольких молодых оборотней, державшихся ближе к краю.

Никто не подошёл помочь.

Я оставила лошадей на своей стороне, сняла с одного седла папку с документами и осторожно ступила на первое бревно.

— Оно не выдержит, — предупредила женщина с верёвкой.

— Тогда стоило сказать об этом до того, как я поставила ногу.

— Мы хотели узнать, умеете ли вы слушать предупреждения.

Я вернулась на твёрдую землю.

Несколько человек усмехнулись.

Испытание было простым, но понятным. Они ждали не новую хозяйку. Они ждали очередного представителя рода, который считал их обязанными подчиняться.

Я осмотрела опоры. Ниже по склону лежала широкая каменная плита, соединявшая берега почти у самого дна ложбины. Спуск выглядел неудобным, зато вполне проходимым.

— Там можно перейти? — спросила я.

Женщина пожала плечами.

— Можно.

— Почему сразу не сказали?

— Вы не спрашивали.

Я сняла дорожные туфли, убрала их в сумку и начала спускаться по влажному склону. Грязь быстро испачкала край платья, камни скользили под ногами, а лошади за моей спиной недовольно фыркали. Помощи по-прежнему никто не предлагал.

Когда я поднялась на противоположную сторону, навстречу вышел мужчина.

Он был выше Соррена и заметно шире в плечах, но двигался без стремления занять собой всё пространство. Тёмные волосы касались воротника, на щеке виднелась тонкая светлая полоса, а серые глаза смотрели внимательно и холод-

но.

В нём ощущалась сила, которую он сознательно удерживал.

Не показная власть Соррена, заставлявшая окружающих замолкать. Скорее натяжение толстого каната, способного выдержать огромный вес, пока кто-нибудь не решит перерезать одну из прядей.

— Элварис Нейр, — представилась я. — С сегодняшнего дня Предел Семи Башен передан мне.

— Мы знаем.

— Быстро дошли новости.

— Ваш бывший муж прислал всадника ещё вчера.

Разумеется.

Соррен хотел, чтобы они успели подготовиться к моему приезду. Возможно, даже приказал встретить меня особенно недружелюбно.

— Что ещё сообщил всадник?

— Что вы новая владелица долины, что у вас есть тридцать дней и что после первой же трудности вы попросите вернуть вас под защиту Серебряной стаи.

— Он всегда уделял большое внимание подробностям.

Мужчина не улыбнулся.

— Меня зовут Рейдаль Корвес. Когда-то я отвечал за границу. Теперь отвечаю за то, чтобы сюда не приходили люди, считающие нас своей собственностью.

— В таком случае у нас есть общая задача.

— Не думаю.

Он подошёл ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки. Остальные жители молчали, предоставляя ему право говорить от их имени, хотя ни один не склонил головы.

— Мы уже пережили одного альфу, — произнёс Рейдаль.

— Второго нам не нужно.

— Хорошо.

В его взгляде впервые появилось что-то кроме холодной настороженности.

— Хорошо?

— Я не альфа.

— Тогда зачем вы приехали?

Я посмотрела на разрушенный мост, на лошадей с грузом, оставшихся на другой стороне, и на сорок три человека, которых Соррен превратил в часть своего прощального подарка.

— Для начала хочу понять, почему здесь до сих пор никто не восстановил переправу.

Женщина с верёвкой сердито прищурилась.

— Потому что каждый раз, когда мы заканчиваем работу, одна из башен меняет русло потока или разрушает опоры.

— Когда это произошло в последний раз?

— Двадцать восемь дней назад.

Я подняла взгляд к небу.

Над горным хребтом уже показался круг полной луны.

— Значит, следующего движения следует ждать сегодня.

Люди переглянулись.

Рейдаль повернул голову к западному склону, и в тот же миг земля под ногами едва заметно дрогнула.

Сначала я решила, что со скалы сорвался тяжёлый камень. Затем содрогание повторилось, более сильное и протяжное. По поверхности ложбины побежали мелкие трещины, лошади на другой стороне испуганно заржали, а жители долины одновременно отступили от моста.

Из-за моей спины донёсся низкий гул.

Я обернулась.

На склоне, где ещё мгновение назад возвышалась неподвижная каменная башня, раскрылись две узкие полосы белого света. Огромное строение наклонилось, отделяя основание от земли, а затем сделало первый тяжёлый шаг.

Камни под ним смялись и ушли в почву.

Башня двигалась вниз по склону.

Прямо к единственному мосту.

Глава 2. Долина, где не ждут альфу

Первый удар каменной башни пришёлся не по мосту, а по склону в нескольких шагах от него.

Земля вздрогнула так сильно, что я едва удержалась на ногах. С сухим треском раскололась одна из старых опор, вниз посыпались камни, а оставшиеся на другом берегу лошади рванули поводья и шарахнулись к дороге. Одна из сумок сорвалась с седла, ударилась о землю и раскрылась. По грязи рассыпались сушёные яблоки, которые ещё утром казались мне разумной покупкой.

Теперь они лежали прямо на пути башни.

— Отойдите от ложбины! — крикнул Рейдаль.

Его голос перекрыл каменный гул без видимого усилия. Люди подчинились сразу, однако это не походило на то бездумное повиновение, которое вызывал Соррен. Жители долины знали, что делать: двое мужчин схватили пожилого мастера под руки, женщина с мотком верёвки помогла молодому оборотню поднять деревянный ящик, остальные быстро отступили к ближайшему возвышению.

Я осталась у края склона.

— Вы оглохли? — Рейдаль оказался рядом и схватил меня за локоть. — Назад!

— Там мои лошади и запасы.

— Через минуту у вас не будет ни того, ни другого, если

вы продолжите стоять на месте.

Башня сделала второй шаг. Её основание на мгновение поднялось над землёй, и я увидела под ним не сплошной камень, а множество широких плит, двигавшихся отдельно друг от друга. Они перестраивались с тяжёлым скрежетом, словно части огромного механизма, созданного по непонятным законам.

Я вырвала руку и оглянулась на жителей.

— У вас есть другой путь на ту сторону?

— Для повозок нет, — ответила женщина с верёвкой. — Пешком можно обойти по северному уступу. Если не сорваться и не встретить осыпь.

— Сколько времени?

— Туда и обратно — половина дня.

Значит, спасти лошадей сейчас мы не успевали. Если они не вырвутся и не уйдут сами, башня загонит их к обрыву.

Я посмотрела на старые брёвна, переброшенные через разрыв. Ещё несколько минут назад мне не позволили пройти по ним, потому что одно могло сломаться под моим весом. Теперь оно уже съехало набок и держалось лишь на выступе разрушенной опоры.

— Верёвку, — сказала я.

Женщина прищурилась, не торопясь выполнять просьбу.

— Что вы задумали?

— Мне не нужно переходить. Нужно напугать лошадей так, чтобы они побежали обратно по дороге.

— Они и без вас напуганы.

— Поэтому тянут в разные стороны. Если одна сорвётся, остальные могут последовать за ней к склону.

Я указала на край бревна.

— Закрепите там верёвку и раскачайте его. Когда оно упадёт на камни, звук заставит лошадей отступить от ложбины.

Рейдаль оценил расстояние до башни.

— Если бревно зацепится за опору, оно упадёт вместе с ней. Канат утащит того, кто будет его держать.

— Тогда не держите. Сделайте петлю, набросьте и сразу отпустите.

Женщина с верёвкой посмотрела на Рейдаля. Тот едва заметно кивнул, однако она обратилась не к нему, а ко мне:

— Я Мейра. Если потеряем канат, новый нам не из чего плести.

— Если потеряем лошадей, канат всё равно не доставит сюда припасы.

Она сжала губы, но спорить перестала. Быстро размотала часть верёвки, связала широкую петлю и подбежала к уцелевшей опоре. Двое мужчин удерживали её за пояс, пока она забрасывала петлю на выступающий конец бревна.

С первой попытки верёвка соскользнула. Башня приближалась, с каждым шагом превращая склон в груды обломков. Белые полосы на её стенах горели ровно и холодно, но я не могла отделаться от ощущения, что строение видит мост и намеренно выбирает кратчайший путь.

Мейра бросила снова.

Петля затянулась.

— Теперь! — крикнула она.

Люди навалились на верёвку. Бревно дрогнуло, соскочило с опоры и обрушилось на дно ложбины. Грохот отразился от скал, лошади рванулись в сторону дороги, одна всё же выдернула повод из крепления, потянув за собой вторую. Через несколько мгновений обе исчезли за поворотом.

— Найдём на уступе, если не уйдут далеко, — сказала Мейра, провожая их взглядом.

Мы успели отступить до того, как башня достигла моста.

Она не замедлилась и не попыталась обойти препятствие. Её передняя плита поднялась над разрушенным пролётом, опустилась точно на оставшуюся опору и вдавила её в землю. Каменная кладка разлетелась в стороны. Вторая опора продержалась чуть дольше, но следующий шаг башни превратил и её в бесформенную груду.

То, что прежде называлось мостом, перестало существовать.

Башня пересекла ложбину, оставив после себя глубокие вмятины, затем повернула на север и направилась вдоль пересохшего русла. Каждый её шаг сопровождался низким гулом, постепенно удалявшимся в темноту.

Никто не говорил, пока белые полосы света не скрылись за выступом скалы.

Я смотрела на разбитые опоры и пыталась оценить ущерб

без лишних надежд. Камни ещё можно было использовать повторно, однако основание для нового моста придётся создавать в другом месте. Течение весной пойдёт по ложбине и размочит всё, что мы успеем построить наспех. Даже если люди согласятся работать вместе, за тридцать дней мы не восстановим полноценную дорогу обычным способом.

Соррен знал, когда должна двинуться башня.

Он отправил своего всадника заранее, но мне не сообщил ни точного дня, ни того, что разрушенный мост оставался единственным путём для повозок. Возможно, он рассчитывал, что я прибуду немного позже и останусь с другой стороны. Тогда Предел пришлось бы принимать, даже не ступив на его землю.

— Теперь вы увидели достаточно, — произнёс Рейдаль.
— Северный уступ начинается за тем холмом. До темноты вы ещё успеете добраться до заставы.

Я повернулась к нему.

— Лошади ушли по дороге.

— Найдём их утром и выведем к вам.

— Вместе с моими вещами?

— Вместе со всем, что не растащат звери.

— Очень любезно.

— Я не пытаюсь быть любезным. Я пытаюсь не оставить вас здесь.

Люди постепенно возвращались к ложбине. Несколько мужчин спустились вниз, чтобы подобрать уцелевшие доски

и куски каната. Мейра вытягивала из грязи рассыпавшиеся яблоки, которые каким-то образом перелетели на нашу сторону вместе с обломками сумки.

Никто не выглядел удивлённым. Для них разрушенный мост был не бедствием, а очередной неприятностью, которую следовало пережить. Именно это беспокоило меня сильнее всего. Люди привыкают к опасности, когда перестают верить, что её можно остановить.

— Где вы храните запасы? — спросила я.

Рейдаль посмотрел на меня с раздражением.

— Вы собираетесь проверять наши кладовые?

— Я собираюсь понять, сколько времени у нас осталось до того, как проблема с мостом станет серьёзнее самого моста.

— Это уже не ваша проблема.

— Документ, подписанный Советом, утверждает обратное.

— Документ считает нас частью переданного имущества.

— Я так не считаю.

— Но землю приняли вместе с нами.

— Я приняла ответственность за владение. Вы не указаны в перечне построек, хотя писцы Совета, вероятно, не отказались бы от такой формулировки.

На лице Рейдаля ничего не изменилось, но он перестал смотреть в сторону северного уступа.

— Красивые слова ничего не стоят.

— Тогда не будем тратить на них время. Покажите мне

запасы.

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно, без угрозы. Я почувствовала, что жители ждут моего следующего шага. Если попытаюсь потребовать повиновения, Рейдаль получит доказательство, что я ничем не отличаюсь от прежнего владельца. Если отступлю, они решат, что Соррен был прав и первая трудность заставила меня отказаться от намерений.

Однако существовал ещё третий путь.

— Хорошо, — сказала я. — Не показывайте.

Рейдаль нахмурился.

— Вы снова собираетесь уйти?

— Собираюсь посмотреть на поселение. Если мне не позволят войти в кладовую, я хотя бы увижу, сколько дыма идёт из труб, в каком состоянии дома и что люди ели сегодня вечером. Этого хватит для первых выводов.

Мейра тихо хмыкнула.

— Соррен прислал нам хозяйку, которая считает чужие трубы.

— Соррен прислал вам женщину, от которой хотел избавиться. Всё остальное я выбрала сама.

Я подняла папку с документами, которую до сих пор держала под мышкой.

— Мне нужен сухой угол на три ночи. Не господский дом, не охрана и не слуги. Через три дня вы решите, хотите ли продолжать разговор. До тех пор я не стану отдавать при-

казы, требовать клятв или вмешиваться в ваши внутренние правила.

— А через три дня? — спросил Рейдаль.

— Через три дня у меня будет достаточно сведений, чтобы предложить решение. У вас будет достаточно времени, чтобы понять, насколько оно вам не нравится.

Кто-то за его спиной рассмеялся. На этот раз Рейдаль не попытался остановить человека взглядом.

— А если мы решим, что вы должны уйти?

— Уйду.

Это обещание далось труднее, чем я ожидала. Тридцатидневный срок не оставлял возможности потерять три дня, а возвращение к заставе означало бы поражение. Но власть, полученная вопреки воле людей, не помогла бы открыть дорогу. Соррен уже пытался управлять Пределом приказами и оставил после себя разрушенный мост.

Рейдаль изучал моё лицо так пристально, будто искал признаки лжи.

— Три ночи, — повторил он. — Потом уйдёте, если община этого потребует.

— Если решение будет принято всеми, а не только вами.

— Здесь никто не подчиняется мне против своей воли.

— Тогда вам нечего опасаться общего решения.

Мейра отвернулась, скрывая улыбку.

Рейдаль медленно выдохнул.

— Идёмте. Пока башня не решила вернуться.

Поселение находилось примерно в четверти часа ходьбы от разрушенного моста. Дорога поднималась между двумя невысокими холмами, затем выходила к широкой площадке, окружённой домами. Я ожидала увидеть заброшенные хижины с провалившимися крышами, но жители сумели сохранить большую часть строений.

Дома были сложены из серого камня и соединены деревянными переходами. На некоторых крышах виднелись свежие заплатки, у стен стояли бочки для дождевой воды, а вдоль центральной улицы тянулись узкие канавы, отводившие влагу к нижнему склону. Слева от площади располагалась кузница, справа — длинное здание с высокими окнами, за которыми угадывались ткацкие рамы.

Поселение не было разрушено.

Оно было изношено.

Здесь чинили только то, без чего невозможно обойтись, и откладывали всё остальное до лучших времён, которые не наступали.

У центрального колодца стояли пустые телеги без колёс. Под навесом хранились аккуратно сложенные доски, однако почти все были слишком короткими для мостовых опор. На огородах темнели прошлогодние стебли, а за домами виднелись полосы подготовленной земли. Люди не собирались покидать долину, несмотря на слова Соррена.

Это означало, что Предел всё ещё оставался для них домом.

Меня привели в небольшое двухэтажное строение у края площади. Когда-то оно, вероятно, служило домом управляющего, но теперь на первом этаже хранились пустые ящики, сломанные рамы и связки старых карт. В комнате наверху стояли узкая кровать, стол и железная жаровня.

— Здесь ночевал всадник Соррена, — сообщил Рейдаль.
— До его приезда комната была пустой.

Я осмотрела дверь. На тёмном дереве виднелись только царапины возле ручки и след от старого крючка.

— Он оставался надолго?

— Меньше часа. Передал письмо, дождался ответа и уехал.

— Какого ответа?

— Никакого.

— Тогда чего он ждал?

— Вероятно, надеялся, что мы напишем, как сильно обрадовались новой владелице.

Я положила папку на стол.

— Мне нужно поговорить со всеми жителями.

— Сегодня?

— Чем раньше я узнаю, сколько здесь людей и что они умеют, тем меньше времени мы потеряем.

— Мы ничего вам не должны.

— Поэтому я не стану спрашивать, что вы обязаны делать.
Я задам каждому только один вопрос.

— Какой?

— Пусть человек назовёт дело, которое умеет выполнять лучше всего.

Рейдаль прислонился плечом к дверному косяку.

— Соррен уже составлял списки.

— Видела результат.

— И чем ваш список будет отличаться?

— Я не собираюсь распределять людей по работам. Мне нужно понять, какие работы вообще возможны.

— А если никто не придёт?

— Тогда у меня будет ответ на другой вопрос.

Он постоял ещё несколько мгновений, затем вышел, не обещая ничего.

Я осталась одна и впервые за два дня позволила себе сесть.

Ноги гудели после долгой дороги и спуска по склону. Подол платья высох неровными пятнами, волосы выбились из причёски, а всё моё имущество находилось неизвестно где за разрушенным мостом. При мне остались только документы, кошель, дорожный плащ и туфли, которые я так и не успела надеть после перехода через ложбину.

Новая хозяйка Предела выглядела не особенно внушительно.

Я провела ладонями по лицу и заставила себя сосредоточиться.

Тридцать дней начались позавчера вечером. Два дня ушли на дорогу. Значит, оставалось двадцать восемь, хотя Совет, скорее всего, будет считать срок по часам и не подарит мне

ни одного лишнего.

Мост разрушен полностью. Для повозок другого пути нет. Пеший обход занимает половину дня и опасен. Следующая торговая повозка, если она вообще должна прийти, остановится снаружи. Запасы в поселении неизвестны.

Первая задача была очевидна: восстановить хотя бы временную связь с внешней дорогой.

Я нашла на столе обломок угля и перевернула один из листов, вложенных в папку. Писать на официальном документе не хотелось, поэтому я использовала пустой оборот старого перечня границ.

Через некоторое время снизу послышались шаги.

На площадь пришли не все, но значительно больше половины жителей. Остальные стояли в дверях домов или наблюдали из окон. Никто не расположился так, как это происходило на собраниях Серебряной стаи. Не было возвышения, отдельных мест для старших родов и охраны у входа. Люди образовали широкий неровный круг возле колодца.

Рейдаль остался в стороне.

Я вышла к ним в дорожном платье и босиком, потому что туфли всё ещё лежали в сумке. Несколько человек посмотрели на мои ноги, но никто не засмеялся.

— Меня зовут Элварис Нейр, — начала я. — Большинство уже знает, зачем я приехала. Возможно, некоторые слышали версию моего бывшего мужа. Я не стану убеждать вас, что она неверна. Через три дня вы сами решите, оставаться

мне в долине или уходить.

По кругу прошёл тихий гул.

— До этого времени я прошу ответить только на один вопрос. Не кем вас назначали, не к какому роду вы принадлежите и не кому вы должны подчиняться. Назовите дело, которое умеете выполнять лучше остальных.

— И что вы сделаете с ответами? — спросил пожилой мужчина в кожаном фартуке.

— Пойму, можем ли мы восстановить связь с внешней дорогой собственными силами.

— Не можем, — сказал кто-то из-за его спины.

— Возможно. Но я предпочитаю узнавать о невозможном после подсчётов, а не до них.

Первой выступила Мейра.

— Я плету канаты и знаю, как рассчитать натяжение для подвесных переходов. Училась у отца, пока Соррен не решил, что женщины должны заниматься только тканью.

Она произнесла это с вызовом, будто ждала, что я немедленно соглашусь с бывшим мужем.

— Какую длину каната вы можете изготовить за три дня? — спросила я.

— Одна — немного. Если со мной будут работать ещё четверо, хватит на узкий переход через ложбину. Но сырьё почти нет.

— Запишу отдельно.

Следующим назвался мужчина с широкими ладонями.

— Тарвен. Кузнец. Кую крепления, скобы и цепи. Могу сделать нужные детали, если найдётся уголь и подходящее железо.

— Сколько осталось?

— На два десятка крупных скоб. Может, чуть больше, если переплавить старые петли и сломанные инструменты.

Потом заговорил пожилой мастер в фартуке. Его звали Юрвеном, и он умел выбирать камень для опор, но сразу предупредил, что возле прежнего моста грунт стал ненадёжным. Высокая женщина по имени Сайра назвала себя проводницей и знала северный уступ лучше всех. Двое братьев, Орстен и Кайвен, строили деревянные настилы. Тихая девушка Эсвель умела вести счета и помнила, сколько продуктов выдавали из кладовой за последние три месяца.

Люди подходили по одному или небольшими группами.

Кто-то говорил уверенно, кто-то явно не понимал, зачем мне знать о его навыках. Среди жителей оказались каменщики, ткачи, кузнецы, плотники, кожевники, возчики, проводники и мастера, способные укреплять склоны. Один мужчина умел определять глубину подземной воды по особенностям грунта. Другая женщина много лет составляла карты, отмечая каждое перемещение башен. Несколько человек честно признались, что лучше всего работают в лесу или ухаживают за лошадьми.

Никто не назвал себя воином, хотя почти каждый взрослый оборотень умел защищаться.

Я быстро поняла причину.

Соррен считал полезными только тех, кого мог поставить в строй под одним командованием. Жители Предела происходили из семи родов, привыкших к разным порядкам. Они спорили о способах работы, не принимали чужого старшинства и отказывались подчиняться властному голосу назначенного командира.

По отдельности Соррен объявил их неудобными.

Вместе передо мной стояло поселение, способное построить почти всё необходимое, если люди согласятся работать ради общей цели.

Последним заговорил Рейдаль.

— Я знаю расположение всех семи башен, старые пограничные дороги и места, где они пересекаются. Умею организовывать людей, когда нужно действовать быстро.

— А лучше всего? — спросила я.

Его серые глаза чуть сузились.

— Лучше всего я замечаю, когда чужой замысел закончится плохо.

— Полезное умение. Надеюсь, вы сообщите заранее.

— Уже сообщаю.

Несколько человек рассмеялись, и напряжение на площади немного ослабло.

Я попросила Эсвель назвать количество запасов.

Она посмотрела на Рейдаля, но тот не вмешался.

— Крупы осталось на восемь дней, если уменьшить обыч-

ную выдачу. Муки — на пять. Сушёных овощей хватит больше, мяса почти нет. Мы ожидали повозку через четыре дня.

— Она придёт со стороны заставы?

— Да.

— И не сможет пересечь ложбину.

— Не сможет.

— Можно перенести груз по северному уступу?

Сайра покачала головой.

— Люди пройдут. Несколько мешков тоже. Но там узко, а после дождя часть тропы осыпается. За день мы не перенесём всё содержимое повозки.

— Значит, нам нужна временная переправа, способная выдержать хотя бы людей с грузом.

Юрвен нахмурился.

— Вы не слышали, что сказала Мейра? Башня разрушает всё, что мы строим у старых опор.

— Поэтому не будем использовать старые опоры.

— В другом месте ложбина шире.

— Зато грунт может оказаться устойчивее. Сайра знает уступы. Вы знаете камень. Мейра умеет рассчитывать натяжение. Орстен и Кайвен строят настилы. Тарвен сделает укрепления. Я предлагаю завтра осмотреть ложбину выше и ниже прежнего моста и выбрать место для узкой подвесной переправы.

— Предлагаете? — переспросил Тарвен.

— Именно. Никто не обязан соглашаться.

— А если согласимся, что получите вы?

Вопрос задал молодой мужчина, до этого стоявший у самой стены.

— Доказательство, что Предел способен поддерживать связь с внешними землями.

— Значит, сохраните владение.

— Если Совет примет такую переправу достаточным подтверждением.

— И станете нашей хозяйкой.

— Владение уже передано мне. Но управлять людьми без их согласия я не собираюсь.

— Тогда зачем вам земля?

Я посмотрела на дома, на мастерские и на тёмные силуэты гор, окружавших долину.

Ещё утром этот вопрос показался бы простым. Мне нужна была независимость, возможность не возвращаться под власть Соррена и шанс доказать, что он ошибся. Но после разрушения моста личное упрямство перестало быть достаточной причиной.

— Потому что прежний владелец бросил её вместе с вами,
— ответила я. — А я слишком долго помогала ему делать вид, будто ничего не произошло.

На площади стало тихо.

Я не стала оправдываться тем, что Соррен скрывал правду. Я присутствовала на совете пять лет назад и поверила его словам, потому что так было удобнее. Люди передо мной за-

платили за моё доверие к мужу гораздо больше, чем я.

— Три дня ничего не исправят, — сказал Юрвен.

— Нет. Но за три дня можно понять, способны ли мы вообще работать вместе.

— А если башня придёт снова?

— Тогда придётся узнать, почему она разрушает переправы.

Это вызвало новое движение в круге.

Женщина-картограф, представившаяся Неврой, подняла голову.

— Башни идут только в полную луну.

— Первая уже прошла.

— Не совсем. Они двигаются по очереди. Иногда между первой и второй проходит ночь, иногда две.

— А иногда три, — произнёс Рейдаль.

Я посмотрела на него.

— Вы знаете, когда пойдёт следующая?

— Через три ночи.

— Уверены?

— За последние четыре года порядок не менялся.

— Какая башня?

Он указал в сторону северо-восточного хребта, за которым небо уже стало почти чёрным.

— Дальняя. Та, что стоит возле старых складов.

Эсвель крепче прижала к груди счётную дощечку.

— Мы перенесли оттуда всё необходимое.

— Не всё, — возразил Тарвен. — Там остались железные балки.

— Которые невозможно вынести без телеги.

— Без них новых креплений не будет.

Спор начал разрастаться. Люди перебивали друг друга, вспоминая оставленные в складах материалы, инструменты и деревянные рамы. Я не сразу поняла, почему обычное перемещение башни вызывает у них такую тревогу.

— Что происходит, когда идёт вторая? — спросила я достаточно громко.

Рейдаль дождался, пока остальные замолчат.

— Она всегда забирает что-нибудь важное.

— Забирает куда?

— Никто не знает. После её движения исчезают строения, участки дороги или то, что мы не успели перенести. Иногда башня перекрывает доступ. Иногда утром на месте склада остаётся только ровная площадка.

— Вы заходили внутрь башни?

— В ней нет входа.

— У любого строения есть вход.

— У этой нет.

Я хотела продолжить расспросы, но заметила усталость на лицах людей. Они пришли не для долгого совета, а чтобы выяснить, какое распоряжение отдаст новая владелица. Вместо этого получили ещё одну задачу и напоминание о приближающейся опасности.

— Сегодня больше ничего решать не будем, — сказала я.
— Утром осмотрим ложбину. После этого каждый сможет решить, участвовать ли в строительстве.

— Вы собираетесь начать работу, не зная, где окажется башня через три ночи? — спросил Рейдаль.

— Собираюсь начать с осмотра. Если вы видите лучший первый шаг, назовите его.

Он некоторое время молчал.

— Вывести лошадей с северного уступа, пока они не ушли к заставе. Забрать с них всё, что можно перенести. Потом проверить склады и отметить, какие вещи нельзя потерять.

— Согласна.

— Я не спрашивал вашего согласия.

— Тогда считайте, что мы независимо пришли к одному решению.

Мейра тихо рассмеялась, а Рейдаль посмотрел на неё так, что она немедленно занялась сворачиванием каната.

Собрание закончилось без клятв и торжественных обещаний. Люди разошлись по домам, продолжая обсуждать временную переправу. Тарвен задержал Юрвена возле колодца и начал показывать руками предполагаемую форму крепления. Сайра уже спорила с Мейрой о том, на какой высоте лучше натянуть основной канат.

Никто не сказал, что согласен работать.

Но никто не отказался.

Рейдаль подошёл ко мне, когда площадь почти опустела.

— На рассвете Сайра поведёт людей за лошадьми. Вы останетесь здесь.

— Почему?

— Северный уступ опасен даже для тех, кто знает тропу.

— На лошадях мои вещи.

— Они не стоят сломанной шеи.

— Не вам решать, чем я готова рисковать.

— А вам не стоит превращать первое утро в представление о собственной храбрости.

Я посмотрела на него внимательнее. В его словах не было заботы, которую Соррен любил использовать вместо запрета. Рейдаль говорил как человек, отвечавший за переход и не желавший добавлять к задаче неопытного участника.

— Тогда я останусь осматривать ложбину с Юрвеном, — решила я. — Но список вещей составлю сама, чтобы ваши люди знали, что переносить в первую очередь.

— Разумно.

Это было первое моё решение, которое он одобрил без насмешки.

— Вы всегда так щедры на похвалу?

— Нет. Иногда я просто молчу.

Он уже собирался уйти, когда я окликнула его:

— Рейдаль.

Мужчина остановился.

— Почему вы согласились помочь с переправой?

— Я не соглашался помогать вам.

— Тогда кому?

Его взгляд скользнул по тёмным домам вокруг площади.

— Повозка должна принести семена для весенних работ. Если мы её не разгрузим, осенью будет нечего собирать. Ваш развод здесь никого не интересует.

— Прекрасно. Меня начинает утомлять его обсуждение.

В уголке его рта появилось едва заметное движение, которое могло бы стать улыбкой, если бы Рейдаль позволил себе продолжить.

— Отдыхайте, госпожа Нейр. Завтра вы узнаете, насколько сильно эта долина не любит хорошие планы.

— А вы узнаете, что я составляю запасные.

Он ушёл, оставив дверь открытой.

Через некоторое время Мейра принесла миску горячей каши, кусок хлеба и кувшин воды. Она поставила всё на стол так решительно, будто была недовольна самим фактом моего голода.

— Общий ужин уже закончился, — сказала она. — Это осталось в котле.

— Благодарю.

— Не думайте, что вас приняли.

— После моста у меня не возникло такого заблуждения.

Мейра оглядела мою пустую комнату.

— Утром принесут одеяло. Ночью здесь холодно.

— Оно тоже случайно останется?

— Разумеется.

Она вышла прежде, чем я успела снова поблагодарить.

Каша оказалась простой, но после двух дней дороги я съела всё до последней ложки. Затем разложила на столе документы и начала составлять перечень задач.

Запасы на восемь дней. Торговая повозка через четыре. Северный уступ непригоден для большого груза. Вторая башня двинется через три ночи. Старые склады могут исчезнуть вместе с железными балками.

Временную переправу следовало построить до прибытия повозки, но сначала нужно выбрать место, рассчитать длину канатов и найти достаточно крепкого дерева. Даже при согласии всех мастеров срок выглядел почти невозможным.

Соррен выбрал ловушку тщательно.

Он рассчитывал не только на враждебность жителей. Башни и нехватка запасов заставят меня спешить, а спешка приведёт к ошибкам. После первой неудачи люди окончательно откажутся со мной работать.

Я отложила уголь и подошла к окну.

На площади горели несколько фонарей. В кузнице Тарвен и Юрвен всё ещё обсуждали крепления, склонившись над столом. Мейра натянула короткий отрезок каната между столбами и показывала Сайре, как распределится нагрузка. Даже Рейдаль стоял рядом, слушая их спор.

Они начали работу без моего приказа.

Возможно, именно поэтому она имела шанс закончиться успехом.

Я закрыла ставни и вернулась к столу. На внутренней стороне двери качнулась полоска лунного света. Сначала я решила, что не заметила старую царапину, однако след располагался слишком высоко и имел слишком правильную форму.

Три сходящиеся линии внутри узкого серебряного круга. Я подошла ближе.

Дерево вокруг знака оставалось чистым, а сам рисунок блестел так ярко, будто его нанесли несколько минут назад. Я хорошо знала этот символ. Им Соррен помечал документы и помещения, которые подлежали тайной проверке перед изъятием в пользу его дома.

Когда я вошла в комнату, знака на двери не было.

Значит, его оставили уже после моего приезда.

Кто-то в Пределе служил Соррену и только что сообщил ему, где именно меня поселили.

Глава 3. Семь башен уходят ночью

Я не стала звать Рейдаля.

Серебряный знак на двери мог означать многое, но пока у меня не было доказательств, что его оставил кто-то из жителей. В этой комнате недавно находился всадник Соррена. Он мог нанести метку заранее, рассчитывая, что меня поселят именно здесь, или оставить её на предмете, который проявил знак только под лунным светом. Обвинить человека без проверки было бы проще всего, но именно такой простоты от меня, вероятно, и ожидали

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.